

ственных экземплярах и продолжительное время хранились преимущественно в монастырях¹¹. Думается, что этот внешний по отношению к языку фактор не исключал возможности пользоваться наиболее значительным деятелям старобелорусскими памятниками в период становления нового белорусского литературного языка. Примером оживленного интереса к традициям старобелорусской письменности может служить высказывание крупного предшественника белорусской литературы XIX в., одного из ее родоначальников — Франтишка Богушевича, который в предисловии к своему сборнику «Дудка белоруская» писал: «Читал я немало старых бумаг, по двести, по триста лет тому писаных в нашей земле и писаных великими панами и нашим языком чистехънким, вроде теперъ писалось»¹². Уже в начале XX в. крупнейшие белорусские писатели были знакомы с лучшими образцами старобелорусской письменности. Об этом свидетельствует высказывание мастера белорусского художественного слова Янки Купалы, который, присоединяясь к сторонникам кириллического шрифта в белорусской печати, отдавал «свой голос за те буквы, которыми суждено было печататься первой белорусской книге — Статуту литовскому»¹³. Естественным результатом преемственности выработанных в Литовском статуте лексических средств в новом белорусском литературном языке можно считать юридическую терминологию типа *артыкул, статут, урад, ураднік, урадава*.

Вряд ли можно считать достоверным утверждение, что старобелорусские памятники в XIX в. были представлены в единственных экземплярах. Многие из них (Литовский статут, Алесандрия) уже в древний период были известны в разных списках (редакциях). Интенсивное ознакомление с древними письменными памятниками Белоруссии началось еще в конце XVIII и особенно в XIX в. — в период формирования нового белорусского литературного языка. В то время русские и польские исследователи систематизировали и издавали в своих целях многочисленные старобелорусские памятники, относящиеся ко времени нахождения Белоруссии в составе Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой. Уже в первой половине XIX в. было издано большое количество юридических документов, наиболее последовательно отражавших особенности народно-разговорной речи белорусов. Именно в это время и происходило определение основных тенденций и направлений развития нового белорусского литературного языка. Приблизительно тогда же известных успехов достигает и белорусская лекси-

¹¹ См. История беларускай літаратурнай мовы, т. I, стр. 369; т. II, стр. 13.

¹² «Dudka białarуска» М а с і е я В а г а с з к а. Kraków, 1891, стр. 111.

¹³ Які шрыфт? — «Наша ніва», № 5, 1912.

кография. Продолжая традиции своих предшественников и современников, белорусский филолог И. И. Носович составил словарь к пятитомному изданию «Актон, относящихся к истории Западной России» (СПб., 1846—1858), в котором зарегистрировано около 12 000 реестровых слов старобелорусского языка¹⁴. Наивысшим достижением дореволюционной белорусской лексикографии является «Словарь белорусского наречия» И. И. Носовича (СПб., 1870), в состав которого вошло около 30 000 реестровых народно-разговорных слов преимущественно из Могилевской и смежных с ней белорусских губерний. В предисловии к словарю отмечается, что «в белорусское наречие... давно обращало внимание отечественных филологов по уцелевшим в нем драгоценным остаткам старинного языка».

Некоторые из современных белорусских исследователей констатируют в словаре И. И. Носовича немногочисленный пласт заимствованной лексики, «которая в древности проникла и в устный язык»¹⁵. Здесь обнаруживаются и другие лексические пласты старобелорусского языка, свидетельствующие о наличии закономерной связи между донациональным и национальным периодами. Вот несколько характерных примеров.

В старобелорусском языке, как и в древнерусском, продуктивным было слово *живот* в значении 'жизнь'. Но в эпоху формирования старобелорусского литературного языка оно получило дальнейшее семантическое развитие. Из комплекса древнерусских значений этого слова 'жизнь, образ жизни, существо, имущество' в старобелорусском языке сохранилось основное значение 'жизнь'. Однако в некоторых украинско-белорусских лексикографических источниках XVII в. зафиксированы и другие значения его (сравни. толкование в «Лексиконе славеноросском» П. Беринды: Животь: животь, богатство, мешканье, albo брухъ, albo жолудокъ, также матиця, и тыжь: скарбъ, грошъ). По существу такие же оттенки значения слова *живот* приводит и И. И. Носович в своем словаре: 'жизнь, пожитки, домашний скот, внутренности, сила'. В значении 'жизнь' оно сохранилось и в некоторых художественных произведениях белорусских писателей XIX—XX в.: Мусіць думаць — тут

¹⁴ Рукопись словаря хранится в библиотеке Ленинградского отделения АН СССР (34. 2. II). Описание его см.: Отчёт о восьмом присуждении награды графа Уварова. «Записки императорской Академии наук», т. VIII, кн. I. СПб., 1865, стр. 4—6; Ж у р а ў с к і А. І., К р а м к о І. І. Першы слоўнік старажытнай беларускай мовы. «Весті Акадэміі навук БССР», серыя грамадскіх навук, № 4, 1963, стр. 100—110.

¹⁵ К р а м к о І. І. Развіццё лексічнай сістэмы беларускай мовы ў XIX — пачатку XX ст., стр. 234.